

В стороны света

Стихотворения

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анатолий Жариков

18+

Анатолий Жариков В стороны света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63068242

SelfPub; 2020

Аннотация

В сборнике, кроме поэтических заглядываний в книги русских авторов, помещены: рифмованный перевод «Орфея и Эвридики» великого Р.-М. Рильке, вариации его стихотворений; новые тексты гениального перса О. Хайяма; поэтический взгляд-отношение на «Цветы зла» Шарля Бодлера; а также стихи из стихов по-мужски грустного эстета Поля Верлена, своеобразные вариации стихотворных текстов кобзаря украинской духовности Т.Г. Шевченка и другое. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Золотое и серебряное	6
Кабачок Франсуа Вийона	6
Новые песни	9
Reminiscentia	11
Единорог	12
Перевозу Красимира Георгиева	14
Откровение Василия Розанова	15
Осень Пушкина	16
Чевенгур Андрея Платонова	18
Из Дневника Зинаиды Гиппиус	19
Уход Льва Толстого	20
Пастеризованное	24
Освобождение Леонида Андреева	27
В.П.	29
Память Марии Петровых	30
Не представляю	31
Из Достоевского	33
1 Во что?	33
2	33
3 Religio	33
4 На всю жизнь	33
5 Тоже общество	34
6	34

7 Мысли	34
8 Война	34
Заграница Гоголя	36
1	36
2	36
3	37
4 Завещание Гоголя	37
5 Определение поэзии	37
6 Как надо	38
7	38
8	39
Процесс	39
Продолжая наблюдения	40
А.Белый	42
Перед снегом	43
Цветаева	45
Булгаков. Дни	46
Бег Турбина	46
Позднее замечание	51
В доме Ф.Сологуба	51
Кубок Северянина	52
Белое в бокале	52
Футуроскандализм	53
Эгофурор	54
Рондола	55
Эгофутур	56

Футур бессмертный	57
Мельк	58
Фуга непонимания	59
Солома и фарфор	60
Сентимент	61
Неизбыв	62
Природомания	63
Гробовое	64
Всё то же	65
Эгоплач	66
Здесь	69
Слова	70
Перед Словом	71
Там	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Анатолий Жариков

В стороны света

Золотое и серебряное

Кабачок Франсуа Вийона

Здесь грызла кости маета метафор
такая, что, упав на столик,
официант, рванув рубаху, плакал,
как алкоголик.

Здесь сиживали Лермонтов и Блок,
и стриженные женщины Бодлера
им пели и плевали в потолок
и в биосферу.

Здесь, не поймав мыша, плясал чердак,
и стены падали, и неуклюжесть Баха
была сильней, чем тёмный кавардак
бетховенского страха.

Здесь правил африканский тамада

имея скулы древней пирамиды.
И если кто-то суесловил, да
был битым.

Здесь чувства и огромные глаза
расписывали Босх и Врубель,
и опускалась чёрная звезда
собаке в руку.

Здесь было место для убогих всех;
весна цвела, гниение отбросив,
и жрал стихи в камине красный смех,
обезголосев.

По окна снега намело,
никак не выйти.
Что делать? Умникам назло
свершать соитье.

Зажгли свечу, и на стенах
сразились тени.
Не приходила и во снах
стихотворений

ко мне потом такая жуть

оттенков, линий.

Спрошу у вас: когда-нибудь
вы так любили?

А под кроватью, где тоска
и кот наплакал,
бант, платье и два башмака
лежали всяко.

И вечно дуло из угла,
и то и дело
гасили свечку два мурла
из спецотдела.

Ко всем ещё благоволя,
жизнь нас прощала
всех: от поэта и до бля.
И продолжала.

Новые песни

Оглянись, Ярославна, мы посмотрим на тебя.

Мы скажем, кто ты и какая есть.

Что смотреть нам на закат дня,
на восход солнца?

Твоё целомудрие чище света.

Мысли твои быстрее речи Торца,
проворней князя Игоря побега из плена,
слова сладкозвучнее влаги небесной.

Нос твой – купол святого храма;
ноздри – щёлки в дверях застенка кремлёвского.

Лоб твой, как площадь лобная.

Кудри твои – вьющаяся проволока с шипами
зоны Колымской.

Руки и ноги твои – длинные реки восточные.

Смешинки в очах – бесчисленная рать басурманская.

Дай потрогать живот твой – округлый майдан
града Киева.

Чрево ж твоё – ночь, разорванная
жёлтыми созвездиями.

Грудь твои – облака, налитые грозовой влагой.

Ярославна, возлюбленная отчизна моя.

Reminiscentia

Идут пьяные лабухи,
друг за другом скользя,
не послать их всех на уши?
да, наверно, нельзя.

Дым отечества горек,
ухожу в темноту,
я любил страну строек,
да, наверно, не ту.

Отпусти меня, боже,
я раскаянный весь;
жить и веровать можно,
да, наверно, не здесь.

Мимо глаз, мимо снега,
до свиданья, друзья!
Повернуть бы телегу,
да, наверно, нельзя...

Единорог

Мой друг, болгарин из Софии, Красимир Георгиев (да не судите строго его фантазию) встречал единорога, я переводом это подтвердил.

А дело было, как понять я мог, так: он с вечеринки возвращался, место глухое было, в лужице у ног увидел две звезды и полумесяц, и тот представился: "Единорог". Хоть страшен зверь был, без испуга поэт признал в нём не диковину, но друга.

Когда я пьян и женщина у ног, я часто плачу, вспоминая этот весёлый случай; рад, что Рог нашел, в конце концов, Поэта, а мог бы и не мог.

Но Красимир дал выход положенью и написал о том стихотворенье.

А что утешит одинокого поэта?
Вино и женщина, курительный табак?

Всё это так

и всё же всё не это...

Перевожу Красимира Георгиева

Совесь чернил в чернильнице.

Чем писать? Карандаш.

Тушь для зрачков. Свинец.

Стих Красимира.

Откровение Василия Розанова

Моя душа – венок, по сути,
из грязи, нежности и грусти.

Осень Пушкина

Плывёт. Куда ж нам плыть? Столетия раздвигая,
торопится мой многокрылый ямб;
то в шесть пудов волна, то гладь морская,
и в грубой робе за штурвалом я.
С больших деревьев листья облетают,
тепло теряет голая скамья.
Есть в поздней осени заведомый изъян,
как первая в начальном мире тайна.

В гостях у старой ведьмы. За вином
за словом слово красится беседа.
Зайдёт на огонёк Елизавета,
ея сестра. В три голоса поём.
Завечерееет. Свечи разожжём.
Ночной тусон под видеокассету.
Размазан гением на полный том
сюжет в строку. Из Ветхого завета.

Мама!
Твой сын до сих пор на улице.
Часы на башне пробили двенадцать.

Ушла малярия, ссутулившись,
вырезали аппендикс,
Россия вступила в НАТО.
С любовью, как и с революцией,
ни хрена не вышло,
но я выздоровел совсем,
потому как у времени поехала крыша:
десять,
девять,
восемь...

Чевенгур Андрея Платонова

Полезные брожения в стране,
болезные исканья Птицы Счастья.
И секс с любимой женщиною не
часто.

Из Дневника Зинаиды Гиппиус

Я подло боюсь матерей,
что весточку чают о павших.
И дух патриота мне страшен,
и Божья тоска по земле.
Из сладких, отравленных, сот
летают чужие глаголы.
А правда ужасна и гола.
Молитва молчанья спасёт...

Уход Льва Толстого

Софья мышью копошится в кабинете...
Ночь, не спится. Колет узкая полоска света.
В темноте и в свете, в мыслях ложь,
в человечке тайные неправды сплошь.
Тишь бодрит, шумит здоровый пульс.
К бесу всё! Уйду и не вернусь!
Тихо-тихо, чтоб не слышала – она.
И дорога непосильна, зла, бедна.
Вот и всё. Жестоко. Дико. Странно.
Оставайся, Ясная Поляна...

Точный перевод – это неуклюжий подстрочник,
это выстрел в пустое небо,
где ни птицы, ни бога,
ни с пассажирами Боинга
нету.
Одни точки разрывов слов,
как вен.
Будь пророком в своём отечестве,
уйди от одиночества,
чувства все интернациональны,
стихи почвенны,

держи форму времени и лица формулу.

Например, идёт дождь,
шумят берёзовые деревья,
подними влажные ресницы
и скажи:

«Это грустит великий француз Шарль Бодлер,
старший друг великого француза Артюра Рембо,
которых пишет на русском
Анатолий Жариков».

В русском трёхстишии
не обязательны японские скобки –
5-7-5.

В русском трёхстишии возможно и –
20-1-5.

В рифму.

Ах, Анна милая чудила,
писала, колдовала, верила.
А Гумилёв вскрывал, как вены,
серебряные мысли Нила.

Спешил трамваем сумасшедшим,

позвякивая на извивах,
срывался с реек в древних Фивах,
выныривал на лунной жести.

Пока, преследуя удачу,
колёса шли по Дарданеллам,
летела золотом гудящая,
свинцом похмельная летела...

В страну стихов, любви и страха,
распутных жён и верных женщин
клубком кроваво-жёлтой шерсти
катилась голова жирафа.

По дереву белкой,
мечом по княжеской вые,
Ярославны – все – были
и в век из века
беременели
русскими воями,
ратаями, изгоями,
блаженными и поэтами
от начала лета Господня
до конца времени.
Через девять сроков

открывалось Слово.

Пастеризованное

1

Это – бич, и бродяга, и лох,
это – круче бродяги и лоха,
это – сваренный круто горох,
это – щёлканье после гороха.

Это – флейта и барабан,
это – град с барабана на грядку,
это – слёзы роняет баран,
как созвездие, – по порядку.

В мире тесно и духота,
челюсть месяца кривится болью,
мне, читатели, хохотать
бы, ан обсыпаны губы солью.

2

Я трясся, я зажигался и гас,
как будто пропал в зажигалке газ,
я тёк фруктовым при взгляде на вас,
как будто воду спускал в унитаз,
безукоризненное, как стон,
табачного цвета текло в унисон

признание моё и мою антресоль
при виде ног ваших
тоже трясло.

3

Сто страниц прочитал Пастернаковой книги
и заснул на сто первой от шума метафор.
Мне приснились поэта нужда и вериги
и что я клеветник и пасквилей автор.
И с паучьими жалами серые мухи,
они ели поэтов и кровь их сосали,
собирались в союзы, вздымали руки
и кричали «Варавву!» из тёмного зала.

4

И через дорогу за тын перейти
Нельзя...

Борис Пастернак

Падаю на спину, в суть суеты
мурашиной и никого, кроме лета,
и свет со скоростью пустоты,
и жизнь со скоростью света,
и бесконечен открытый срам
в бездне цветущего храма,
и знается верно – умру вчера,
и кажется, что умер завтра,

мгновения катятся навсегда,
и торжествует тление,
и в каждой печёнке живая вода,
и в каждой почке – вселенная.
И время за солнцем уходит за тын,
и раньше утра петух
расскажет, что космос – наверное ты,
но космос печален и глух.

Пастернак один.
Но в каждом он растёт
по-каждому.

Луна, как первый блин,
снег падает, как башня Вавилона.
Ночь. Улица. Под жидким фонарём
следы невиданных зверей.
Пса Баскервилей лай. Аптека
уже закрыта, как ворота в рай.
Снег первый, словно сон о Беатриче.
Твой взгляд оливково коричневым.
Я весь кудрявый, будто Пушкин.
И юн, как Веневитинова стих.

Освобождение Леонида Андреева

Отряхнулся.

Посмотрел и завыл.

Как вон тот.

И пополз. Сказал,
что потерял
пуговицу.

И сел на пол.

И хохотал.

И смеялся.

Тарковского строка на языке.

Глухая ночь и месяц на реке,
как сумасшедший с бритвою в руке.

И никого. И нечего бояться.

Я так и шёл, переплетая ноги,
Арсения читала ночь в восторге,
ласкали горло брадобрея пальцы.
И сумасшедший с бритвою в руке
шагал за мной и не тонул в реке.

Вольный перевод – это когда
во имя автора, переводчика
и художественного духа.

В.П.

а.

Стихи, похожие на воинов
в бесплатных ранах от гвоздя.
И чёрный на откровенном фоне
твой плащ, и зонтик без дождя.

б.

Я не знаю, что есть похоть, и
добавь, мальчик, в своё виски лёд.
В моей лодке плывёт
один охотник.

Память Марии Петровых

Было время – мы были жестоки.

Стало время – мы стали одни.

Я забыла земные дни.

Я не знаю небесные сроки.

Перевожу вольно, однако

оставляю для узнавания

оригинала вакуум.

Не представляю

Старым Пушкина,
Батюшкова в психушке,
без приветов Фета,
бухим Мандельштама,
Маяковского без мамы,
Карамзина без Лизы,
шестидесятника без
соцреализма.

Мой дядя, самых честных правил,
соцмодернизм мне в жопу вставил.
Я испустил высокий слог
и лучше выдумать не мог.

Пчела цветов,
как Розанова слово,
сосёт.

Державин походя дерзил,
с личины смахивая пыли.

Дурнея из последних сил,
ещё стихи словами были.

Из Достоевского

1 Во что?

Поверить бы
во что-нибудь.
Хоть в созвездие Рака.

2

Так себе,
легавый,
лгушка).

3 Religio

Чистое благо.
Чистый покой.
Чистоплюйство.

4 На всю жизнь

Кто-то шёл
и наступил

на лицо.

5 Тоже общество

Общество
сострадания
к рогатым скотам.

6

Май. Утопия. Господа сад.
И безмерно талантлива Санд.

7 Мысли

Эта ночь.
Это точение бритвы.
Это тяжело.

8 Война

Жизнь праздник, золотая пыль.
Но есть места, когда война милей.
И бытие имеет место быть,
когда ему грозит небытие.

Жили-были:
Мережковский, Гиппиус
и хрен с ними.

Чехов скушен.
Ибсен – прочее
(читая Бродского).

Заграница Гоголя

1

В Женеве холодно. В Италии холера,
лечу в Париж: бульвары, дамы, пунш.
Шучу, конечно, хватит мне без меры
тепла и здоровья от наших мёртвых душ.

Мне скучно, томно,
жить чего мне для?
Addie, потомки! –
Gogol Nicola.

2

«Здравствуй, Мыколо! –
пишет земляк, –
от Вечеров бывают колики,
от Ревизора – столбняк.
Пришли Мёртвых душ,
мать их так!»»

Н.В.Г.
Мёртвых сжёг.
Живых оставил.

4 Завещание Гоголя

Не хороните
живых.
Не вспоминайте
мёртвых.

5 Определение поэзии

Державина металл в стопах,
Языкова весенний праздник,
мёд Батюшкова
и неясный
Жуковского воздушный взмах,
и Вяземского грусть такая...
И Пушкина смола токая.

6 Как надо

Легко даётся только чепуха
да женщина бальзаковского кроя.
Ник Вас. похерил всех своих героев,
сжёл «Мёртвых» и сошёл с ума (ха-ха).

Достань желания и злой отваги,
паши в поту на камне и бумаге
подобно древнему Буонарроти,
будь богом и на черновой работе.

И вот тогда случится всё, как надо.
Придёт читатель, зритель и судья,
потычет в стих, в картину: «Это я!» –
всплакнёт и будет в обмороки падать.

7

Скука сукой воеет,
Николай Васильевич.
Человек копейку стоит,
Фёдор Михайлович. –
До сих пор.

8

Вчера вернулся прошлогодний снег,
проснулся прошлогодний человек.
Тень голода от синего сугроба.
И Гоголь ногти рвёт о крышку гроба.

Процесс

Пишу назло мудакам и педантам,
читаю удачные строчки Данту,
а те, длинные и не очень в меру, –
сливаю Гомеру.

А те, что хуже ямбов Шекспира, –
несу в читальню типа сортира.

Звоню в издательство: то да сё,
листаю Библию и Басё,
смотрю футбол, украинскую лигу.

Смотришь – книга.

Продолжая наблюдения

Выедают глаза в привокзальном сортире матерные слова
и хлорка.

Одушевляют скрипку Иннокентий Анненский и Федерико
Гарсиа Лорка.

Так приватизируют Рембо и Верлен грустные дожди.

В учебниках поэзии страдательные падежи.

В честных руках не чешется левая ладонь (к деньгам).

Последний из Удэге пропил последний вигвам.

Жизнь быстро налаживается, если

женщины стреляют глазами, а мужчины поют песни.

Потому что крик скрипки и стон барабана

никогда никого не обманывают.

И я ушёл в размер,

в свет, воду, вой,

в текучесть плазм.

Я слышу, как Гомер

чеканит череп мой,

как Модильяни

надрезает глаз.

Из пыли океанских пен,

свинцовых вод

я стану в позу.

Патологоанатом Бенн

в мой розовый живот

посадит розу.

А.Белый

*

Обросший знаками,
бродит мостами Петербурга
Белый.

*

Вслушиваюсь в Белого.
Подъёмно, слёзно.
Благодарно.

*

Глаза
перед собой
дико выпучив,
хитрая ласковость
в нос вороный
вмонтирована.

*

И вдруг –
проталина на болотце,
страшные воронова глаза.

*

Оглядываюсь:
молодо
и синька лазурью казалась.

От А. Фета с приветом «здрасьте»
и от радостного Экклезиаста,
но поэзии после Бродского,
нам сказали, суть идиотские.

Что поэзия? – слова жжение
у пупка, у лобка и далее.
Плохо пишут красивые женщины,
некрасивые слишком правильно.

Что поэзия? – мусор, трещина,
так сказала однажды женщина.

Перед снегом

Кто высадил
за моим окном
платаны Платона?

Дождём висит

чей-то вопрос,
не даёт покоя.

Бесчисленные ветки,
как запутанный в себе Пиндар,
тычутся в небо.

В древних корягах
просыпаются
нос, глаза, уши.

За здоровье Кощея,
русалки, кота учёного
пьют Александр и няня.

Наконец отвалил от неба,
повис мелкий, крупный
свежий снег.

Дождик Верлена,
распутица Рембо.
Ночь Фета.

Цветаева

Вот мои стихи,
боли печать.
Вот вам радости.
До сосновой доски
буду кричать,
буду цвести.

Как Цветаева в крике
тишины искала.
Как Ахматова в тишине
крика.

Беру чужое,
своим возвращая.
Прощают.

Булгаков. Дни

Пришла бумажка.
Третий призыв,
третьей власти.

Бегут какие-то,
кричат:
–Новая власть!

–Держи! Держи!
–Кого?
Оглянулся. Меня.

Бегу.
Домой.
В сад.

Тишина.
Наши. Ихние.
Вообще – вздор.

Бег Турбина

Бежал Турбин, бежали улицы,

стирало ветром пыль с лица.
И пол поехал под ногами влево
и небо в ядовитых клочьях вправо.
И, рыжая, смеялась Лена,
и, чёрная, стонала рана.
И на часах свисали усики
житомирского Лариосика.
И снова открывалась рана.
Конец. Нирвана.

День отравлен колючим ветром,
застреленным в грязном подъезде Вертером,
недочитанным Шопенгауэром,
привкусом щёлочи в слове «Тауэр»,
голосами в Моцартовой мелодии траура,
заплёванным местной электрички тамбуром,
резкой темой в поэтах улицы и бури.
Выдавливаешь из Чехова:
жизнь – радостная дура.

Вычитал нечаянно:
Горький – горько,
Чехов – печально,
Акутагава – отчаянно.

Спокойный Гёте,
нервный Шопенгауэр
и озабоченный Бердяев
не загоняли пулю в маузер
и не стреляли в негодяев.
Плевались словом.

И пишет шишки на соснах Шишкин,
пишет медведей Медведев.
И Бодлер закрывает на мир глаза
и пишет женщину, которую в мире никто не писал.

Вот ещё окно.
Цветаева пишет?
Самойлов курит?

В зеркале ангела не увидишь,
говорят, но на себя родного
утром, как после болтанки Ноя
(не брившись, не стригшись),
закартавишь на идиш,

залаешь языком Шекспира,
зафыркаешь Бодлером,
наплюёшь по-русски,
наплачешь по-украински.
И чтобы увидеть небо
широко открытыми глазами
и близко, вытрешь плевки,
поправишь скулы,
отгладишь язык,
возьмёшь бритву
и начнёшь бриться.

Там били женщину кнутом,
училку молодую.
Она была женой поэта
и путала Гомера с Фетом.

Оглядываюсь:
где Северянин?
А он в весеннем саду.

Улыбка Батюшкова, дурман
в остатке лета,

он лижет мятную конфекту,
он шепчет Пушкину, поэту:
– Не дай мне бог, сойти с ума...

Зима в руках, в глазах, в носу,
качает ветки на весу,
оркестры сдохли, только медь
воронья, мокрая на треть,
под голубыми небесами
снегурка, лошади и сани,
всё та же мать грозит в окно,
а мальчик замужем давно,
и кажется, тому он рад,
зима, деревня, Александр.

Данте писал комедию.
Шестидесятники писали
о шестидесятих.

Снег идёт, как грузовик с откоса,
как пишет Пушкин –
стремительно просто.
И падает дождь безмерно и даром,

как пишет Марина –
перпендикулярно.

Позднее замечание

Когда б вы знали, как у Сологуба
беру стихи, не ведая стыда,
как повторяли этот мусор губы,
и Муза мне шептала: «Не беда,
у Фёдора таких полно в запасе,
на Фета штрассе...»

В доме Ф.Сологуба

Здесь небо моё, моя лютня,
свеча, под которой всё видно,
зачем же на улицу к людям
из тёмного дома я выйду?

Здесь старые книги и вздохи
и платья шептаний много,
и пепла последнего крохи
последнего быта земного.

Кубок Северянина

Белое в бокале

Жизнь поддержите бокалом белого за ужином,
прошвырнитесь на метро, пенсионер, оно на шару Вам,
Ведите девушку за бёдра в мире перегруженном,
ах, да! перечитайте на ночь Жарикова.

Футуроскандализм

В ночном кафе играют Фета,
кордебалета им мало словно.
С чьего стола стащить сигарету?
Кому бы бросить на стол слово?

Эгофурор

Королева и столяр в кровати,
ох, не надо, ой, не затевайте...
Столяриха билась, как форель,
и кричала: «Где электродрель?!»

Рондола

Я хочу в неё по пояс, весь
запоэтиться и петь песнь.

И нырнул, но в лилии был лепет –
это пел уже о небе там лебедь.

Эгофутур

Собрались в кучу кони, дни, подростки,
трещит от напрягона стадион.
Вы ждёте, что поэт пророк он,
и я вам ссу в глаза с моих подмостков.

Футур бессмертный

Вы думали, что пропаду, облезу,
но от Державина до Жарикова в ряд
все, как живые, с вами говорят,
и я вам шлю через гроба поэзу!

Мельк

Трубку выкурил, шубу пропил,
сер, как сера, пел, как перепел,
звёзды поел, небо попил,
и остался только пепел.

Фуга непонимания

Мы дети неба, люди мира,
мы звёзды, надписи в сортире,
овечки «ве», коровы «му»,
и никогда я не пойму.

Солома и фарфор

Здесь солома, там камыш,
так и косит глазом, ишь!
Там фарфор и страсть изъята.
Здесь тоска в глазах каждой хаты.

Сентимент

Вечер второй и снова,
обещай мне, обещай!
жду напрасно полный час
на скамейке липовой, сосновой.

Неизбыв

Помнишь, Муза, куст сирени?

Память – моя ранка.

Запах, ночь, я на коленях,

сад, мыза Ивановка.

Природомания

Вот село: здесь взрослеет пиит,
разливается мыслью река.
И телега скрыпит,
и читает стихи пеликан

Гробовое

Страна моя, в тебе я слышу рост
и дивных песен и корост.

И в унисон мой молниевый мозг
в моём гробу миллионкрасных роз!

Всё то же

Над нами звёзд сияют лики,
под звёздами – молящий взгляд.
Всё те же знаки, те же липы,
как век вперёд, как век назад.

Я

Мой стих озвёзден и зазывен,
мой – вызывающий прикид.
Я – Северянин. Это – имя,
в веках громокипящий хит!

Эгоплач

На Гатчину приеду я и плачу
на улице, когда иду на дачу.
О чём, читатель, плачу горячо?
О многом, о безногом, ни о чём.

Таблетки, склянки и цветов корзины.
Ваш бывший пышный лик охорошел так сразу,
и Северянин удивлённо скажет:
–Я затону пилюлей аспирина
в бокале Вашем!

Каково быть поэтом
на вашей жестокой Земле?
Игорь Северянин

На вашей, не совсем согретой,
зелёной, призрачной планете,
где с петлею верёвка – высь,
пророки, мытари, поэты –
не перевелись?

Ветхий рыбак в звёздном исподнем
солнечной пыли бриз
тянет сетью из преисподней,
тёмного мрака из.
В жёлтой рубашке бредёт нетленная,
сияет надо лбом
в левой горсти дождевка Верлена,
в правой харк Рембо.
Там, одолев одиссею, под кровль
хаты, облипшей сиренью,
вернулись Ахматова и Гумилёв,
варят варенье.
Кажется, кто-то живёт или бредит
тайною жизнью во всём,
воз скрипит, возница – Басё,
млечная путь – Хлебников.

От Хайяма к Эдгару По
я спешу с предложением по
100 граммов, чекушку поровну,
только янки корпит над «Вороном»,
значит, пробовать надо удачу
с кем-либо на Переделкинской даче,
либо там, на Востоке, с Ли Бо,

либо с кем уж сосватает бог.
Потому я иду к соседу,
пьем и мирно ведём беседу
за хороших ребят-поэтов,
и не только за это.

Здесь

Полдня шёл дождь.
Он размозжил дорогу,
и я вернулся в дом, судите сами,
как жаль, здесь мог бы Хокусай
мне встретиться
с карандашом и строгий
к стихов объёму давний друг Басё.
Мы знаем всё:
что было, есть, что будет
опять, сначала блоковское здесь,
и мы дыханьем поднимаем груди
и понимаем Мандельштама спесь.

Слова

И от писцов Антефов и Осирисов,
от Фёдоровых библиотекарей
шли к нам слова,
плотнели, силились,
столетьям поднимали веки.

В дожди Рембо, Верленов,
как с Овидиями
во глубину тлена,
в ларго, в тише
навстречу Эвридикам, еле слышно
идушим от заката.

А слов приливы и токкаты
громадны, чтобы видеть их,
будем слушать.

Перед Словом

А не время ль рассказать, славяне-братья,
как ложились в брани наши рати.

Проснулась кукушка, пророчит ночью,
ещё до солнца роса выжжет очи.

В широком поле зноя полдня около,
как на стадо лебедей пала стая соколов,
как по древу белки быстро бегали,
как рыскали волки, птица пела в бездне.

Выходили девы в красно-белых платьях,
и за ним ветер в пыль дорог стояти.

Так персты Бояна пробуждали струны,
те же пели сами князьям славу.

Там

Где печенегов поднимала сечь,
где имена раскатывали солнце,
где Слова буква расточала речь
и Мандельштам кидал князей в колодцы.

Прогноз погоды грустен, по Верлену,
дойдет, у стариков болят колена,
рисует чудный стих поэт, однако
всё так же моросит, по Пастернаку.

Я сегодня рано встану,
разбегусь на раз-два-три
и исчезну с Антуаном,
пропаду с Экзюпери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.